

Цан Мо закрыл глаза, притворяясь спящим. Вскоре слышались шаги двух человек. Один из них, чья походка была легче, подошел к изголовью кровати и поставил что-то на тумбочку. Раздался шорох переворачиваемых страниц, а затем — скрип пера по бумаге: вероятно, это была медсестра, записывающая показатели приборов и меняющая капельницу.

В этот момент Цан Мо почувствовал, как холодные пальцы коснулись его век. Медсестра привычным жестом приподняла их, проверила состояние пациента, как делала это обычно, и оба посетителя удалились.

Этот врач и медсестра были теми самыми людьми, что первыми обнаружили Жун Цзысюаня мертвым в этой палате. Именно они дали показания, что тот попал в больницу из-за попытки самоубийства. Если бы Цан Мо не занял это тело, Жун Цзысюаня ждала бы та же участь, что и в прошлой жизни — клеймо самоубийцы.

Но в этой жизни пришел Цан Мо. Он лежал на больничной койке, притворяясь Жун Цзысюанем, а показатели на мониторах оставались прежними, какими были до покушения. Врач лишь бегло осмотрел функции организма, не став тщательно проверять наличие внешних травм.

Как только медики вышли, Цан Мо сорвал с лица кислородную маску и небрежно сел. Он с раздражением отшвырнул датчики, прикрепленные к рукам, и подошел к окну. Снаружи сияло солнце. Внизу, в зеленой зоне, прогуливались пациенты с родственниками, бегали дети в больничных пижамах, чей звонкий смех время от времени доносился до него.

Обычного больного такая картина могла бы утешить, но Цан Мо лишь почувствовал скуку. Бросив беглый взгляд на улицу, он направился в ванную — к зеркалу.

Благодаря тому, что до госпитализации у клана Жун еще не было серьезных финансовых проблем, родители баловали сына, устроив его в лучшую палату класса люкс. Даже ванная комната здесь была обставлена лучше, чем в приличном отеле.

Цан Мо уставился на свое отражение в облике Жун Цзысюаня. Он повертел головой из стороны в сторону, и его брови медленно сошлись на переносице. В глазах читалось легкое отвращение — нынешняя внешность его явно не устраивала.

На самом деле мужчина в зеркале выглядел весьма неплохо. Ему было под тридцать, но на вид не дашь больше двадцати четырех-двадцати пяти. Немного пухлые щеки, нежная светлая кожа, большие и яркие глаза, в которых светилась невинность. Длинные, пушистые волосы, отросшие за время пребывания в больнице, прикрывали половину бровей, что делало его еще моложе.

Но Цан Мо терпеть не мог, когда мужчина выглядел подобным образом — сразу казался легкой добычей, глупцом. Собственно, так оно и было: Жун Цзысюань был таким же недалеким, как и выглядел.

Цан Мо не страдал нарциссизмом, но его собственная внешность была по-настоящему демонической. Одного косого взгляда его длинных, притягательных глаз было достаточно, чтобы лишить человека воли. Высокая переносица, уголки губ, вечно приподнятые в легкой усмешке — даже с бесстрастным лицом он казался насмешливым.

Самым пугающим было то, что он обладал врожденной особой силой. Он редко открывал глаза полностью, глядя на людей свысока, и эта вечная полуулыбка вызывала у окружающих смесь ненависти и страха.

Теперь же Цан Мо был вынужден носить личину простофили. Даже если он наполнял эти глаза острым блеском, лицо Жун Цзысюаня не становилось умнее. Цан Мо с пренебрежением фыркнул, решив больше не смотреть на эту унылую физиономию, чтобы не портить себе настроение, и вышел из ванной.

Взглянув на часы, он увидел, что уже полдень. Скоро придет сиделка менять повязки. Жун Цзысюаню не повезло: эта сиделка из-за личных дел часто прогуливала, из-за чего его тело пролежало мертвым почти два часа, прежде чем его обнаружили.

Действительно, через несколько минут в коридоре послышались торопливые шаги. Девушка с хвостом, одетая в повседневную одежду, вошла в палату с распухшими от слез глазами. Она привычно сменила повязки на руках Цан Мо и, едва закончив, поспешно удалилась — видимо, снова куда-то спешила.

Тело Жун Цзысюаня было еще слишком слабым, поэтому Цан Мо не мог выписаться. Согласно прогнозам, нужно было подождать еще неделю, чтобы снять маску, а потом заявить о желании долечиваться дома. Иначе внезапное выздоровление тяжелого пациента вызвало бы подозрения.

К счастью, Цан Мо не страдал от одиночества. Он мог часами сидеть без дела, погружившись в свои мысли. В пространстве системы он как-то раз целый год лежал в пустоте, наблюдая за звездами.

Цан Мо открыл терминал, вышел в сеть и просмотрел новости, особенно сосредоточившись на биржевых сводках клана Жун и корпорации Юйчжэ.

Акции клана Жун превратились в гнилое мясо, от которого все стремились избавиться. Некоторые корпорации, пользуясь моментом, пытались скупить их за бесценок. Те, кто раньше сотрудничал с Жун, теперь отвернулись, демонстрируя всю низость человеческой натуры. Корпорация Юйчжэ, напротив, процветала.

Клан Жун зашел в тупик. Если Жун Анькан не найдет оборотные средства, он не сможет спасти ситуацию. Цан Мо просчитал положение через терминал: до банкротства оставалось два месяца. Подумав, что времени еще предостаточно, он со спокойной душой отложил это дело и продолжил листать ленту.

Время летело незаметно. Наступили сумерки. Цан Мо провел за новостями весь день, лишь раз отвлекшись на вечерний обход врача.

Ближе к восьми часам, когда Цан Мо сидел на кровати, погруженный в раздумья, в коридоре послышались шаги — одни шаркающие, другие уверенные.

Он лег и закрыл глаза. Раздался голос молодой девушки:

— Вот этот человек, за ним нужно ухаживать. Каждый день обтирай его, меняй повязки. Если заметишь что-то странное — жми на кнопку вызова, придут врачи. Понятно?

Второй человек промолчал, но девушка тут же продолжила:

— Понятно, и хорошо. Ночевать будешь на том диване. Если бы не срочные дела, я бы ни за что не уступила тебе эту прибыльную работу. Работай хорошо, я ухажу.

Дверь закрылась, шаркающие шаги удалились. Цан Мо понял, что это была прежняя сиделка, которая передала его кому-то другому. Ему стало любопытно, кто пришел на замену.

Открыв глаза, он первым делом увидел красивое, холодное лицо. Глубокие, ледяные глаза встретились с его взглядом. Высокий, статный мужчина в черном костюме — без сомнения, сиделкой оказался мужчина, причем невероятно привлекательный.

Они встретились взглядами, и, как ни странно, оба остались бесстрастны. Если Цан Мо был старым лисом, то этот мужчина тоже не выказал ни малейшего смущения, продолжая пристально смотреть на пациента.

Такой человек не мог быть сиделкой. Цан Мо сразу насторожился, но, заметив в глазах мужчины некую растерянность, скрытую за внешней уверенностью, успокоился. Если он не ошибся, этот человек — лишь пустышка с грозным видом.

Мужчина еще немного посмотрел на него, затем снял пиджак, закатал рукава черной рубашки и направился в ванную. Вскоре послышался шум воды, и он вернулся с тазом, поставив его на табурет у кровати.

Приходилось признать, что фигура у сиделки была что надо: черная рубашка облепила мощные, рельефные мышцы.

Мужчина бросил взгляд на Цан Мо, затем небрежно откинул одеяло и начал расстегивать пуговицы на больничной пижаме. Он молча выжал полотенце и, слегка согнувшись, принялся старательно протирать каждый дюйм тела Цан Мо.

Даже невозмутимый Цан Мо невольно приподнял бровь, когда теплое полотенце коснулось его кожи. Это была его привычка: если он поднимал бровь, значит, человек или ситуация вызвали

у него интерес.

Лицо мужчины оставалось каменным. Цан Мо, решив, что раз он довольно хорош собой, можно и потерпеть, с интересом принялся изучать его холодные черты.

Даже при ближайшем рассмотрении кожа мужчины оказалась идеальной: никаких расширенных пор, плотная и гладкая. Густые длинные ресницы, волевой подбородок — он выглядел очень эффектно.

Цан Мо перевел взгляд ниже и, заметив удивительно сексуальный кадык, почувствовал легкое возбуждение. Причина была проста: у него была странная слабость — он обожал мужские кадыки.

Задержавшись взглядом на горле мужчины, Цан Мо продолжил осмотр и увидел симметричные, четко очерченные ключицы.

Сиделка, словно робот, не обращал внимания на откровенный осмотр, даже не подняв головы, продолжая свое дело.

Однако в тот момент, когда Цан Мо рассматривал безупречную форму ключиц, он вдруг вздрогнул. Мужчина наконец соизволил посмотреть на него — и увидел, что Цан Мо таращится на него с выражением крайнего изумления.

<http://bllate.org/book/21243/2149051>